

ВЛАДИМИР БОСИН

ЧУЖОЕ ЛИЦО-2

Владимир Босин

Чужое лицо-2

«Автор»

2026

Босин В. Г.

Чужое лицо-2 / В. Г. Босин — «Автор», 2026

Своя дорога, своя женщина, своя жизнь. Даже если лицо по-прежнему чужое. Главный герой уже получил вторую жизнь и теперь ему предстоит решить, как ею распорядиться. За возможность начать всё с начала приходится платить. И помощь влиятельного покровителя постепенно превращается в опасную зависимость.

© Босин В. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Босин

Чужое лицо-2

Глава 1

Никитский лично мне интересно тем, что он является представителем монументального исторического направления и с ним мне по идее легче будет продвигаться к своей идее.

М-да, неласковый приём мне оказали в первый же день. К сожалению, когда я приехал в столицу и выйдя с Ярославского вокзала направился напрямиком в государственный художественный институт имени Сурикова, что расположился в районе Таганки — оказалось, что моего будущего наставника нет в городе. Вроде как он в отпуске.

Благо ещё чемодан я догадался оставить в камере хранения. Кроме его и этюдника у меня с собой больше ничего и нет. Вещи и два фанерных ящика с моими работами перевезу потом, как устроюсь. Само здание поражает старой дореволюционной архитектурой, высокие колонны, широкие коридоры и гипсовые слепки античных статуй. Здесь всё кричало: «Ты не туда пришёл. Здесь творили настоящие мастера».

В приёмной сидела немолодая женщина-секретарь в роговых очках.

— Здравствуйте, у меня направление к вам. В мастерскую Андрея Андреевича Никитского.

Та подняла глаза с красноватыми прожилками и звучно высморкалась в гигантского размера носовой платок.

— Простите... Вы студент?

— Не совсем.

— Тогда аспирант?

— Пока нет.

Женщина нахмурилась, — можно Ваши документы?

Та долго вчитывалась в строчки сопроводительного письма и самого направления.

— Ничего не пойму, одну минуту...

Она сняла телефонную трубку и попросила кого-то зайти.

Через несколько минут в приёмную вошёл мужчина средних лет.

— Это Вы Соколов? Я декан факультета графики. Разрешите Ваши бумаги.

Теперь пришла его очередь удивляться, но видимо тот оказался поопытнее секретарши и уже сталкивался подобными вывертами.

— Товарищ Никитский, насколько я знаю, сейчас в отпуске. Вернётся дней через десять. Но Вы не беспокойтесь, мы что-нибудь придумаем.

Затем последовал звонок, видимо в отдел кадров:

— Тут у меня молодой человек по распоряжению Академии... Нет, фамилия не знакомая... Да, документы при нём... Хорошо, так я посылаю его к вам.

— Алексей Иванович, спуститесь вниз в отдел кадров и там вам помогут.

В отделе кадров женщина тоже удивлённо перебрала мои документы, особенно её поразила новенький диплом об окончании Абрамцевского училища и направление к товарищу Никитскому.

Последовали новые звонки, но видимо там наверху ей настучали по голове, обвинив в подрыве авторитета начальства. А ему, как известно, лучше видно, кого и куда направлять.

Затем меня попросили подождать в коридоре, но уже минут через десять я получил направление в общежитие Академии художеств города Москвы.

— Завтра к девяти Вам нужно будет подъехать на Верещагина, там находится персональная мастерская товарища Никитского. Раз Вас туда направили, то пусть там Вами и занимаются.

Добираться до общаги пришлось с пересадкой, это заняло больше часа. Сердитая комендантшанеторопливо заполнила бумаги, хотя эта не задавала глупых вопросов. Затем она сунула мне ключ и повела получать бельё.

Так я получил койку в комнате двести четырнадцать, насколько я понял это этаж для аспирантов и здесь было довольно чисто и тихо.

Я поднялся на второй этаж старого кирпичного здания. Тяжёлая входная дверь оббита тёмным дерматином. На небольшой латунной табличке значилось:

«Творческая мастерская академика А. А. Никитского».

Осторожно, открыв дверь, вошёл. Первое, что меня поразило — пространство.

Потолок метров пять высотой. Огромные северные окна почти от пола до потолка заливали помещение ровным мягким светом. Ни одной резкой тени — именно такой свет ценили живописцы.

В воздухе стоит знакомый запах льняного масла, скипидара, масляных красок и влажного холста.

Вдоль стен висели десятки подрамников. Одни холсты были закрыты серыми чехлами, другие стояли лицом к стене. На нескольких огромных полотнах угадывались смутные фигуры персонажей.

У дальней стены стояла длинная полка с банками пигментов, бутылками олифы и растворителей. Рядом целый лес мольбертов.

В мастерской молча работали пять человек и на меня пока никто не обратил внимания.

Один писал большой картон для мозаики. Другой заканчивал портрет пожилого рабочего. Третий, совсем молодой, сидел на стремянке и прорисовывал верхнюю часть трёхметрового полотна. Ещё одна девушка задумчиво возилась в углу.

Никто не разговаривал, слышалось лишь шуршание кистей да лёгкий скрип угля по картону.

Через несколько секунд ко мне подошёл крепкий мужчина лет сорока в синем халате.

— Вы Соколов? Нам звонили на Ваш счёт. Меня зовут Сергей Петрович. Я помощник Андрея Андреевича.

Он пожал мне руку, — академик ещё в отпуске.

— Но мне в институте сказали явиться сюда.

— Правильно сказали. Когда мэтр прибудет, он сам определит Вам фронт работы. А пока знакомьтесь с мастерской, посмотрите работы. Можете и сами поработать.

И он показал в дальний угол, — видите свободный мольберт? Это пока Ваше место.

Возле окна стоит совершенно новый мольберт. Рядом — высокий табурет, небольшой столик для палитры и пустой металлический шкафчик.

Таким образом меня как бы условно приняли в коллектив. До приезда шефа. Молодые люди представились как Виктор, Юрий, Борис и Лена.

К сожалению, парни оказались курящими и частенько бегали на лестничную клетку, а дым пёр прямо в помещение и от него у меня начала побаливать голова. Мне только и оставалось понимающе переглядываться с нашей единственной дамой.

Академик Никитский неторопливо снял перчатки, положил их на край массивного письменного стола и ещё раз взглянул на тонкую папку.

«Соколов Алексей... Выпускнику Абрамцевского художественно-промышленного училища... Окончил с отличием... распределён в распоряжение Загорского художественно-производственной мастерской художественного фонда РСФСР города».

Уже тут красноречиво торчат уши Московского обкома. Только партийцы могли нарушить обычный ход распределения выпускников и затребовать данного молодого человека в своё распоряжение.

Академик поморщился, — вот ведь времена. Разве раньше можно было такое представить. Парень ему заранее не нравился. И не потому что был плохим художником — работ его Никитский не видел. А потому, что вся эта история слишком отчётливо пахла особыми связями. Возможно этот паренёк является будущим зятем самого Полипова, вроде у того имеется дочь подходящего возраста.

Ещё вчера об этом парне никто ничего не слышал — обычный выпускник-ремесленник. И вдруг такая необычная просьба лично принять его в персональную мастерскую.

Просьба...

Никитский усмехнулся. В жизни некоторые просьбы звучат как приказ. Отказать второму секретарю обкома равносильно собственным творческим похоронам. Андрей Андреевич чересчур долго прожил в этой системе, чтобы не понимать последствий своей излишней принципиальности.

Конечно, формально Союз художников являлся общественной организацией. Московская организация (МОСХ) была её региональным отделением. Она напрямую подчинялась правлению Союза художников РСФСР, а та в свою очередь, — Союзу художников СССР.

Но каждый, достигший определённого уровня в этой организации прекрасно понимал, где заканчиваются красивые слова и начинается настоящая власть.

Выставочные планы, госзаказы, персональные мастерские, выделение жилплощади, дачи, поездки за границу и фонды на импортные материалы — всё это так или иначе проходило через партийные органы. Министерство культуры занималось лишь прямым финансированием, музеями и организацией выставок. А вот кадровые и идеологические значимые вопросы всегда решали в коридорах партийных учреждений. И бороться с этим просто бессмысленно.

Академик хорошо помнил скандал, учинённый дорогой супругой.

— Андрюша, ну ты же обещал... Бондаренко и Сухановы смогли получить участок в Сосновом Бору. Нина Беляева недавно приглашала меня погостить там у них. Мы же опять остаёмся в стороне.

Сосновый Бор являлся закрытым дачным товариществом Союза художников в Подмоскowie. И построить там дачу стало идеей фикс для Надежды Николаевны.

Никитский даже наступил на горло своей гордости и позвонил старому приятелю из правления Союза художников РСФСР.

Тот только развёл руками:

— Андрей, ты же знаешь, как у нас тебя уважают и ценят. Но фонды в Сосновый Бор ограничены и ими распоряжаются на самых верхах. Давай лучше пробьём тебе участок в Жаворонках. Очень неплохое и тихое место.

Жаворонки... и в самом деле шикарное место и речка богата рыбой. Но Наденька упёрлась и даже посмотреть это чудесное место не захотела.

И вот недавно раздался звонок из обкома партии и сам второй секретарь, которые довольно недавно был назначен на эту должность, предложил встретиться.

И самым волшебным способом невозможное стало вполне реальным. Более того, Андрея Андреевича даже проинформировали о том, что принято решение о выделении ему вожделенного участка. Вот только нужно завершить обещанное. А от академика требовалось всего лишь принять официально к себе молодого парня стажёром в свою мастерскую и даже подго-

товить его за 2–3 года к самостоятельной работе. То есть абсолютно неподготовленный парень из глубинки должен овладеть за немыслимо короткое время академической школой, сформировать собственную творческую манеру и создать цикл работ, достойных участия в серьёзных выставках республиканского и союзного значения.

По сути от мэтра требовалось вывести этого ремесленника на выставочный уровень так, чтобы его приняли в Союз художников СССР.

Единственное, что успокаивало, это понимание вторым секретарём того факта, что из бездаря мастера сделать в любом случае не получится и кисть за него никто держать не будет.

Работа была необременительная, приходили мы где-то в половине девятого и работали над мольбертами часов до трёх, а потом Сергей Петрович милостиво отпускал нас по домам. И это позволяло мне за оставшееся время немного изучить столицу.

Город производил двойственное впечатление — странная вычурная архитектура сталинского ампира соседствовала с примитивными формами жилых кварталов. Огромные проспекты и многочисленные старинные церкви, стоящие закрытыми. Больше всего меня поражает то, что москвичи и гости города настроены на личное общение. То есть большинство конечно куда-то спешит, но при этом народ охотно останавливается поговорить. Нет гаджетов и единой информационной сети. Люди просто разговаривают, улыбаются, плачут — и именно это меня и привлекает в них. Мне даже удалось как-то мило побеседовать с одной пожилой женщиной в парке. Та поведала мне, что работает нянечкой в детском садике. Живёт одна, детей нет. Так как в войну она вместе с другими москвичками копала окопы для Красной армии и сильно застудилась по-женски. Немолодая женщина не обижалась на судьбу, наоборот она искренне радовалась солнышку и хорошему сентябрьскому дню. А ещё она ухитрилась выпытать у меня мою историю и даже посоветовала куда сходить в выходной день.

Именно по её совету я почти каждый день стал ходить в кинотеатры. Недалеко от работы был кинотеатр «Победа», а рядом с общагой — «Иллюзион».

Да, к старому советскому кино я всегда относился с уважением. Но смотреть знаменитые киноленты, зная, что эти актёры и режиссёры сейчас живы и продолжают творить — это же здорово. Я буквально окунулся с головой в мир кино. А ведь есть ещё театры, знаменитые московские театры, билеты в которые обещала как-то достать Ольга Полипова.

И вот наконец вернулся из отпуска наш наставник, объявился он лишь после обеда. С утра вроде был в институте, затем пошутукался со своим заместителем и наконец пригласил меня в кабинет, находящийся в дальнем угле помещения мастерской:

— Так вот ты какой Соколов Алексей...

— Добрый день, Андрей Андреевич.

— Да ты садись, садись, — а сам он встал и подошёл к окну.

Неловкая для меня пауза, видимо академик пока не знает, как ко мне относиться.

— Признаться, твоё появление в моей мастерской стало для меня неожиданностью.

Высокий сухощавый человек в возрасте за шестьдесят одет в пиджачную пару светлосерого цвета. Аскетичное и несомненно интеллигентное лицо с серебристыми бачками искажала гримаса раздражения. Хотя заметно, что хозяин кабинета пытается держаться бесстрастно.

— Надеюсь, ты понимаешь, что работа здесь отличается от условий, к которым ты привык в Абрамцевском училище. Мои ребята шесть лет постигали азы классической живописи ... М-да.

Карие глаза мужчины сверкнули, но он смог сдержаться:

— А где твои работы? Покажешь?

— Из Хотьково я же только с одним чемоданчиком приехал в Москву.

— Так съездите и заберите, — у академика своеобразный скрипучий голос, а когда он не в настроении — слушать его сложновато.

Зато, получив разрешение я смотался в Хотьково и через три дня вернулся вместе со своими вещами, накопленными за пять лет жизни здесь и двумя фанерными ящиками своих работ.

Ещё до отъезда меня официально провели приказом по региональному отделению художником-стажёром персональной творческой мастерской академика Никитского с окладом в 135 рублей. Я далеко не беден и за время учёбы почти не потратил деньги, лежащие на сберкнижке. А на что там было тратить — трояк за общагу, завтракал я бутербродом со стаканом чая. Обед в студенческой столовой железнодорожного техникума обходился мне копеек в семьдесят. Ужин готовили сами в комнате. Чаще всего покупали свежий фарш в кулинарии, рубили в него репчатый лук и обваляв в муке жарили на сковороде. У нас была своя маленькая электроплитка. С жареной картошкой шло на ура.

Не меньшим спросом пользовалась свиная или говяжья тушёнка с отварными макаронами. Всё это великолепие запивали чёрным чаем, заваренным в двухлитровую стеклянную банку и заедали пряниками. Как отличник я получал в училище стипендию тридцать семь рублей пятьдесят копеек. В принципе я почти укладывался в бюджет, исключением стал только первый год учёбы, когда мне пришлось покупать более к местному климату подходящую одежду.

Так что на новую зарплату я уж точно проживу.

Так я думал и конечно ошибался, Москва — это океан соблазнов. Хочется и мороженное купить перед сеансом в кинотеатре, и в парке на аттракционах покататься. Благо пока я не завёл себе подружку, тогда бы пришлось вскрывать кубышку — однозначно. Иногда мы с Гришей, это мой сосед по комнате, устраивали себе праздник. Обычно это случалось в пятницу.

Григорий Сикирянский был парнем плотного телосложения и невысокого роста. Внешне он удивительно напоминал Володеньку Ульянова с октябрятского значка, только резко постаревшего на пару десятков лет. С большой залысиной и чистыми и наивными голубыми глазами. Гриша — настоящий аспирант, в отличие от меня. Только он скульптор и его крупные руки всегда запаханы гипсом и белой пылью.

У нас на этаже была кухонька с двумя двухкомфорочными электроплитами, и Гриша готовил настоящий узбекский плов или самсы. Парень приехал поступать в Москву из Самарканда, отучившись шесть лет он уже второй год стажировался у своего наставника. И самое интересное — тот женат на армянке по имени Аревик и — спит и видит, как бы привезти её сюда в Москву.

Так вот, пока Гриша доводит до ума свой плов и гоняет от него вечно голодных аспирантов, я режу осенний салат и ласкаю взглядом бутылку красного вина. Потом мы закрываем дверь на ключ и невзирая на настойчивые стуки оборзевших соседей по этажу, благостно распиваем терпкое вино, заедаая его жирным и сытным блюдом.

Не знаю, как Григорий, а для меня эти кулинарные праздники служили отдушиной после непростой недели.

Просто обстановка в мастерской была очень недружелюбной. Академик старался меня не замечать, а если и обращался, то только по делу и неизменно официальным тоном.

— Соколов, подрамники готовы? Как это не успел...

— Алексей, загрузите холсты и не так как в прошлый раз...

— А эти этюды отнесите в подсобку.

Глава 2

Работа доставалась самая грязная и неприметная.

С утра мне доверяли натягивать холсты на подрамники, следя, чтобы полотно легло без единой складки. Затем я разводил клеевой грунт, наносил на холст, сушил и шлифовал поверхность пемзой. Часами очищал кисти от засохшей краски, мыл палитры — короче работал в роли Золушки.

Неприятно конечно таскать тяжёлые ящики с краской, когда остальные спокойно работали над своими картинами. Сам Никитский принципиально не подходил к моему мольберту. Или же делал вид, что ему абсолютно неинтересно.

Разумеется настроение шефа чутко уловили другие стажёры и принялись дружно меня третировать. Нет, они не издевались. Ведь любому понятно, что я появился здесь благодаря весомой протекции. Но игнорировали однозначно. За общим столом во время чаепития старались не обращаться ко мне напрямую. И лишь двое не участвовали в этом. Это помощник шефа Сергей Петрович и незаметная Леночка. Первый подсказывал мне чисто в профессиональной сфере и даже старался отвлекать недовольство академика от моей персоны. Ну а девушке видимо просто не нравились конфликты и она сама ни с кем особо не дружила. Так, тихая неприметная серая мышка.

Но, она всегда первой звала меня пить чай, — Лёша, чай заварился, идёмте с нами, — и при этом несмело улыбалась мне.

Пролетели почти две недели со дня моего возвращения с Хотьково, а я так и не смог сесть поработать. Всё какие-то поручения, то краски разотри, то проверь олифу — это сам мэтр соизволил приступить к большому, явно эпическому полотну.

В дверь постучали, раздались голоса и вдруг в помещение мастерской ворвался вихрь с улицы. Обернувшись я наблюдаю появление в нашей тихой обители настоящего и эффектного торнадо. И имя ему Ольга Николаевна Полипова.

Хороша девица, взгляд приковывает женственная фигурка запакованная в настоящую американскую джинсу, штаны и куртку, на ногах импортные белые кроссовки Adidas.

Царственно кивнув нашему Сергею Петровичу она прошла на центр комнаты и с интересом оглянулась. Потом выцепила мою особу с банкой краски в руках:

— Лёша, ну ты же обещал мне позвонить, как приедешь в Москву. Пришлось напрягать папу, чтобы тебя найти, — девушка проигнорировав любопытные взгляды присутствующих, подошла ко мне и чмокнула в щёку. Как закадычного друга, я бы так оценил это действие.

— Значит так, на субботу ничего не планируй. Я достала тебе пропуск в Останкино. Проведу по телецентру. Покажу студии, режиссёрские, аппаратные... Подруга даже в эфирную обещала пустить. Такое не каждый день бывает. Тебе нравится передача «Что? Где? Когда?» Вот и отлично, увидишь воочию как снимают такую передачу.

Пользуясь моментом я приобнял девушку и изобразил самую изысканную свою улыбку. Ольга игру приняла и тоже прижалась ко мне.

— Ну всё, в десять жду у центрального входа. Желательно не опаздывать.

Кто-то из ребят присвистнул, — ничего себе...

Даже академик, выглянувший из кабинета на женский голос, задержал взгляд на выходящей Ольге, затем перевёл на меня и, ничего не сказав, молча закрыл дверь.

Мне оставалось только с невозмутимым лицом продолжать отмывать кисть.

— Лёша, а она что серьёзно работает в Останкино? — это Лена подошла сзади и негромко спросила.

— Ну да.

— Это твоя знакомая? — а вот любопытство одного из блюдолизов шефа я с удовольствием проигнорировал.

Спасибо Ольге, она одним единственным посещением мастерской помогла что-то изменить в её атмосфере. Потому что уже на следующий день Никитский вполне нормальным голосом поручил мне поработать над его личной картиной. Та далека от завершения и мне доверили небольшой участок размером с газетный лист. Там дальний план с видом леса. Вот мне и нужно приписать подмалёвок и попытаться найти правильное состояние воздуха.

— Если получится, займёшься и остальным. Мне нужно небо без облаков, ровный холодный осенний воздух. Посмотрим, умеешь ли ты чувствовать тон.

Я даже не сразу понял, что произошло. Ещё вчера был человеком, которому можно было доверить лишь самую черновую работу. А сейчас как ассистент настоящего мастера кисти я начну работать самостоятельно.

Это большой скачок сразу на несколько ступенек в негласной иерархии мастерской. Только бы не налажать.

Телестудия в Останкино произвела на меня странное впечатление. Огромные телевизионные камеры размером с небольшой шкаф, десятки толстых кабелей под ногами, прожекторы, раскалявшие студию так, что через полчаса хотелось раздеться до трусов. За стеклом аппаратной стояли целые стойки аналоговой электроники, сотни кнопок, тумблеров, стрелочных приборов и носители информации с огромными бобинами. По меркам моего времени всё выглядело музейными экспонатами.

На то, чтобы в моё время сделал всего один кристалл размером с ноготок, здесь требовались десятки людей, киловатты энергии и целый этаж аппаратуры.

И всё же я очень быстро перестал обращать внимание на технику, мне больше интересны работающие здесь люди.

Оператор с помощником мокрые от пота крутили свою стационарную камеру, успевая снимать всё нужное по команде вездесущего помощника режиссёра. Осветители меняли свет почти интуитивно.

И никакой автоматической коррекции. Никаких нейросетей.

Только опыт, только память, только талант.

Но настоящий удар по моему самолюбию ждал меня в студии, где шла запись программы «Что? Где? Когда?»

Я даже невольно усмехнулся, сидящая за столом шестёрка знатоков ухитрилась успешно отвечать на коварные вопросы ведущего и телезрителей без доступа к инфосети. Ни подсказок, ни аналитических систем, ни персональных вычислителей.

Как? Лишь собственная голова, эрудиция и железобетонная логика.

Эти ребята за минуту успевали выстроить несколько версий с целыми ассоциативными цепочками. Коллективный разум шести человек выполнял работу искусственного интеллекта.

Вот тут мне и стало не по себе. Ведь они умнее большинства моих сограждан в прошлой жизни. Просто потому, что вынуждены думать сами. Отсутствие электронных костылей превратило память этих людей в настоящий рабочий инструмент. Они ухитряются хранить в голове тысячи фактов, книг, цитат, исторических событий и научных сведений.

— Ну, тебе понравилось? — мы с Ольгой синхронно покачивались вместе с вагоном метропоезда.

До ВДНХ добрались на автобусе, там спустились в станцию метро и с пересадкой телепоезда до «Площади Свердлова». Ольга в Москве отлично ориентируется, в отличие от меня, провинциального увальня. Так что я в роли послушного бычка хожу за нею по пятам. И вообще — девушка меня приятно удивила своим умением тактично, без столичного гонора и понтов дочки влиятельного папаши показать гостю столицы местные достопримечательности. А когда

мы добрались до ГУМа, то практически стали друзьями. С ней легко, она много знает и удивительно интересно рассказывает про историю Кремля. Ну а чтобы хоть как-то отблагодарить девушку за потраченное на меня время, я пригласил её в кафе, расположенное на втором этаже универмага.

Сегодня Ольга предстала для меня совсем в другом свете. Клетчатая юбка чуть ниже колена, туфельки на каблучке и весёлый свитерок с оленями. Длинные волосы забраны наверх заколкой и образуют эдакий задорный девчоночий хвостик. Она выглядит моложе своих лет. Если прикинуть, ей лет двадцать семь, не меньше. После школы пошла по стопам матери и поступила в университет. Инвалидность выбила её из колеи года на два, и ещё пару лет по окончании она успела проработать на телестудии. Вот и получается, что она младше меня года на четыре. Но благодаря легкомысленной причёске скинула немного. А ещё она как старшеклашка весело уплетает мороженное и поглядывает на наших соседей за соседним столиком. Там устроились типичные гости города — папа, мама и два малолетних оболтуса. Шумные и суетливые, обложились покупками и ждут, когда глава семейства закажет на всех сладкое угощение.

Но моя спутница далеко не проста и имидж юной девчонки явно создан осознанно. Три дня назад она выглядела крутой столичной штучкой, так поразившей наших ребят в студии. В Останкино же она была деловита и собрана, знала всё и обо всех. А вот тут в кафе ГУМа внезапно превратилась в наивную девчонку, облизывала ложечку и оставив след шоколада на губе вопросительно смотрела на меня и заливисто смеялась над моими шутками. А ещё она активно сверкала своими голыми гладкими коленками и не обращала никакого внимания на двух лётчиков-лейтенантов, которые бросали заинтересованные взгляды на мою спутницу.

Но в любом случае Оля внесла в мою жизнь щедрую струю свежего воздуха. Мне не хватало чего-то подобного. Расстались мы после прогулки по Александровскому саду и предварительно договорились встретиться на следующей неделе.

Ольга по телефону назначила мне встречу у главного входа в парк Горького. И что удивительно — явилась минута в минуту, не заставив меня ждать. А вместо обычной женской сумочке у неё через плечо висит чехол с фотоаппаратом.

— Смотри, — показала она с гордостью. — Папа из командировки привёз «Зенит-19» с японским объективом Helios. Сказал, чтобы сама научилась фотографировать.

И тут же она заставила меня встать у центральной арки и сделала пару снимков.

— Не двигайся... Нет, голову чуть левее... Замри...

На моё недовольство девушка сразу отреагировала с юмором, — художник должен иногда смотреть на себя со стороны.

И мы медленно пошли по главной аллее. Вокруг играет музыка, рядом под руку идёт симпатичная девушка и настроение стремительно пошло в небеса. Я сразу купил нам по порции пломбира, запили мы ледяную сладость газировкой, а руки сполоснули в фонтанчике.

Неожиданно вышли к лодочной станции, — умеешь грести?

— Доводилось.

— Тогда я за билетиками.

Мы взяли на прокат двухместную лодку и почти час катались по Голицынскому пруду. Ольга несколько раз пыталась меня фотографировать с носа лодки, но я активно работал вёслами и замереть ради снимка на память не пожелал. За что меня наказали, обрызгав водой.

А когда шум центральной части нас начал утомлять, Ольга сказала:

— Пойдём, тут есть неплохое местечко. Через пять минут мы оказались в местечке, которое называлось Нескучный сад. И мы будто попали в другой мир.

Старые липы и дубы смыкались над дорожками. Воздух пах влажной землёй и листвою. Здесь почти не слышно музыку из парка. Лишь прогуливаются редкие прохожие, молодые

мамочки с колясками и пожилые пары. И здесь Ольга опять начала меня мучать, достав свою шайтан-машинку.

— Лёша, не надо позировать. Просто иди на меня.

Так мы неторопливо пошли к Москва-реке, я даже перестал реагировать на щелчки фотоаппарата.

А уже под вечер вышли к Пушкинской набережной. По реке торжественно плыл белый прогулочный пароходик. Солнце уверенно клонилось к горизонту, окрашивая воду в золотистый цвет. Мы молча облокотились о гранитный парапет. Девушка прижалась ко мне, обняв рукой со спины.

С реки подул свежий осенний ветерок и эта живая грелка меня ничуть не раздражала. От волшебства момента даже накатили философские мысли о бренности человеческого существования и вечности окружающего нас мира.

Дальнейшее было довольно неожиданно, меня просто развернули и прижали к парапету, а потом гибкие руки зацепили меня за шею и дышать стало нечем. Меня почти насильно целовали. Прикольно и можно сказать приятно. От девушки пахнет дорогими духами, а на губах ощущается вкус её помады. Если честно, я бы предпочёл сохранить наши прежние отношения. То есть дружеские, но у Ольги явно своё мнение на этот счёт. Ну а потом и я увлекся, и прижав её к себе, начал уже сам целовать девушку.

Сегодня выдался тяжёлый день. Николай Захарович перед тем, как взять почитать книгу перед сном, решил зайти в комнату дочери. Подойдя он негромко постучал:

— Оля, не спишь?

— Заходи, пап.

Ольга сидела перед большим трюмо в лёгком домашнем халате. Волосы были собраны в свободный хвост, на туалетном столике лежали расчёска, флакон французских духов и маникюрный набор. Дочь что-то мурлыкала себе под нос, полируя пилкой ногти.

Как же быстро прошло время, Оля так похожа на мать в молодости. Та же гордая осанка и форма носа. И когда улыбается, образуются такие же милые ямочки на щеках.

Невольно и Полипов улыбнулся от этой идиллической картинки.

— Па, ты что-то хотел?

— Да... просто давно не виделись. Всё дела... дела.

Он сделал два шага и очутился в центре спальни. На стене, прямо над письменным столом висела большая фотография Алексея Соколова. Тот стоял, уперевшись о каменный бортик и мечтательно смотрел куда-то в сторону.

Удачная фотография, подумал Полипов. Видимо дочь успешно осваивает подаренный три месяца назад навороченный фотоаппарат.

На книжном шкафу — ещё одна фотография, эта поменьше и на ней опять Соколов. Только на сей раз он сидит за вёслами и улыбается в объектив.

На комодке ещё одна, Полипов медленно снял очки.

— Оленька...

Дочь подняла голову и вопросительно посмотрела на отца.

— Что?

— А ты мне ничего не хочешь сказать?

— Пап, ты о чём?

— Ну, например почему в твоей комнате целых три фотографии этого парня. Нет, я бы понял, если бы это был Стриженов или Лановой. Но Оля, это обычный паренёк из глубинки. Да он довольно симпатичен, с ним порой интересно поговорить, но...

— Па-па, — тон дочери изменился, — это просто фотографии. Ты же сам хотел, чтобы я научилась, вот я и фотографирую.

— Да, но я боюсь, что ты увлечёшься им. Это будет большой ошибкой.

— Да, и отчего же? Потому что его родители не так успешны, как мои?

— Оль, он вообще сирота. Но я не об этом. Просто пойми, я тебе не запрещаю видится с ним. Но не вздумай переходить черту. Дружите, общайтесь, но не более.

Ольга покраснела, — папа, я давно уже не девочка.

— Для меня ты всегда будешь маленькой девочкой, требующей моей защиты.

— Тебе не о чем беспокоиться.

Полипов решил не давить сильнее на дочь.

— Ну и ладно, кстати — в воскресенье нас приглашают Боруновы. Помнишь, Геннадия Семёновича, он первый заместитель председателя Госплана. Его сын работает, а нашем посольстве в Финляндии. Вот, тот приехал в отпуск и родители приглашают гостей по такому поводу.

— Папа, ты опять за старое. В прошлый раз мы были на даче, кажется, министра тяжёлой промышленности. У которого ещё сынок увлекается западной музыкой и отращивает волосы как девчонка?

— А что тут такого, если тебе понравится мальчик из приличной семьи?

А когда дверь за отцом закрылась, девушка тихо встала и подойдя к фотографии, осторожно коснулась её пальцем, провела подушечкой по губам смеющегося молодого человека и прошептала, — поздно, папа.

Это монументальное полотно моему шефу заказало Министерство культуры РСФСР совместно с Союзом художников республики. Размер 3×5 метров. Заказана для Всероссийской художественной выставки «Мы строим страну», после которой полотно планируется передать в один из крупных музеев или областной Дом культуры. Предварительное название тоже впечатляет — «На строительстве Байкало-Амурской магистрали». Знакомые места.

Сюжет картины следующий:

Ранее осеннее утро. На переднем плане — собственно главные герои, строители, принимающие первый состав на новом участке. В центре композиции — бригадир с поднятой рукой. Справа — тепловоз, слева — молодые комсомольцы с воодушевлёнными лицами и горящими глазами. На дальнем плане — бесконечная сибирская тайга, сопки, утренний туман и холодное чистое небо.

И именно этот дальний план мне и доверили, весь целиком. Сам мэтр прорисовывает передний план. После того, как я смог оправдать его доверие, мне доверили кусок побольше. А затем академик просто скинул на меня всю вспомогательную работу. Такие работы в одиночку не пишутся. Там отметилась и наша единственная дама Елена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.